

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПАРИЖСКИЕ
ФОТОГРАФИИ

Зинаида Гиппиус

Парижские фотографии

«Public Domain»

1907

Гиппиус З. Н.

Парижские фотографии / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1907

«Около укреплений слезли с трамвая. Идем по пустырям в маленькое предместье на берегу Сены. Темно, тепло, душно. Точно июльский вечер – не октябрьский. Беззвездное небо над бесконечной дорогой между деревьями. Изредка тени каких-то страшных людей. Они все похожи на апашей. Идти жутко...»

Содержание

Harmonie Uneverselle	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Зинаида Гиппиус

Парижские фотографии

Harmonie Uneverselle

1

Около укреплений слезли с трамвая. Идем по пустырям в маленькое предместье на берегу Сены.

Темно, тепло, душно. Точно июльский вечер – не октябрьский. Беззвездное небо над бесконечной дорогой между деревьями. Изредка тени каких-то страшных людей. Они все похожи на апашей. Идти жутко.

Но вот и огоньки. Освещенное кафе. Начинается предместье. Заворачиваем в маленькую улочку. В темноте еле находим номер двадцать шестой. Узкий двор. Комната г. Андрэ внизу, ход прямо со двора, ни ступеньки, ни порога.

Стучим. В окне огонь, по никто не отвечает, не отворяет.

К нам приближается чья-то узенькая, робкая тень. Тоже «товарищ», тоже гость г. Андрэ. Из противоположного окна, сверху, высовывается женщина.

– Вы к Андрэ? Он, должно быть, в двадцать восьмом, а cote. Chez sa dame².

Принимает участие.

Отправляемся в двадцать восьмой, уже вместе с «товарищем», который едва говорит по-французски – итальянец. В полной темноте кричим снизу на весь двор:

– Андрэ! Андрэ!

Другая женщина высовывается из окна.

– On descend!³

Вот и Андрэ – маленький, щупленький, молодой, с измученным лицом. Торопливо прожевывает кусок, извиняется. Занят был целый день, не успел поесть.

– Что же вы не вошли? Дверь не заперта. Я сейчас.

Идем назад. Дверь, действительно, не заперта. Крошечная комната кажется еще меньше от невероятного количества книг, которыми заставлены все стены, от двух длинных столов с горами газет, бумаг, журналов. На полу щетка и башмаки, в углу печурка для кипячения воды. Походная постель, сложенная большим кубом. От тесноты мы на нее, почти под потолок, и взгромождаемся. Стулья все равно без сидений. Кое-где на них только дощечки положены.

Сегодня среда. И члены «Всеобщей гармонии» понемногу начинают собираться к Андрэ.

Хозяин в замешательстве. Он обещал прочесть реферат, но не может найти рукопись: она затерялась в груде бумаг. Ищет, все ищут с ним (народу уже порядочно) – нет реферата. Молодой русский еврейчик, рабочий, говорящий по-французски как француз, начинает кипятить воду для чая.

С одного стола свалили все бумаги на пол и кое-как рассаживаются, обратив стол в скамейку. И громко обмениваются новыми известиями о различных анархических колониях. Кто-то говорит, что один анархист взял да и разбил статую Франциска I. Одни одобряют, другие недовольны.

Пожилой, одетый «en bourgeois»⁴, товарищ встает за «искусство».

¹ Всеобщая гармония (фр.).

² Рядом. У самой дамы (фр.).

³ Спускается! (фр.)

⁴ по-буржуазному (фр.).

– Что ж, по-твоему, и церквей не трогать? – спрашивает его другой. Лицо энергичное, грубое, небритое. Глаза воспалены. Руку все время сжимает в кулак. Много курит, сам свертывает папиросы неловкими черными пальцами. Весь он точно накачан ненавистью, которая постоянно из него выпирает.

– К чему ж их разрушать? Конечно, попы – жулики, выдумывают всякую чепуху, лишь бы нагреть народ. Так вольно ж попов слушать! Поумнеют люди, – тогда и попов не будет. А церкви зачем трогать? В них, я вам скажу, есть вещи пикантные...

Заговорил о Шартрском соборе. О том, что на его стенах высечены из камня самые разнообразные пороки.

– Я – человек в этом деле опытный, – прибавил он не без самодовольства, – а и то некоторые комбинации меня удивили.

Но противник не унимался.

– Так ты думаешь, церкви-то людей не портят? А вот я недавно вошел в собор. Сумрак. Вдали статуя Богородицы, освещенная голубым. Мне даже стало жутко. Да спроси меня тогда сразу, как меня зовут, – я бы, наверно, заикаясь, начал лепетать: П-п-ер, П-п-ерь... Нет, голубчик. Уж коли мы за свободу, за вольных людей, так уж надо все эти наваждения с корнем вырывать. Не попов одних вон, а и церкви их дурацкие!

– А ты бы подальше от лампы, – вмешался молодой рабочий с миловидным, смуглым лицом. – Алкоголики иногда вдруг вспыхивают.

И он по-ребячьи расхохотался, сверкнув белыми зубами.

Но спор закипал. Вековая ненависть к церкви, духовенству, ко всему, что называлось религией, душила этих людей, туманила сознание. Поп, капиталист, солдат, христианство, метафизика – все это, казалось им, были только бесчисленные лапы одного и того же чудовища, которое сосет кровь измученного, уставшего, доведенного до отчаяния народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.